

Лит. газ., 1979, 12 янв.

## ПЕРВЫЙ ВОПРОС НОВОГО ГОДА

В разную пору мы открываем «своих» писателей, и когда это случается, ничего из написанного ими не пройдет мимо внимания. Таким писателем стал в нашей семье Виктор Астафьев. Жизнь, о которой рассказывает он, нам неведома. Мы молоды, живем и работаем в любимом Ленинграде, но то, что волнует, тревожит, радует писателя, переживается нами так же глубоко, как и им. Пользуясь предоставленной возможностью обратиться к Виктору Петровичу, мы хотели бы узнать, о чем мечтается ему под Новый год. С кем из своих героев — реальных или вымышленных — он хотел бы посидеть за праздничным столом?

**Владимир БЕЛЯКОВ**, кандидат экономических наук;

**Светлана БЕЛЯКОВА**, младший научный сотрудник Института метрологии имени Менделеева

ЛЕНИНГРАД

В эту новогоднюю ночь мне бы хотелось не говорить, а слушать. Посидеть бы в родном сибирском селе за многолюдным столом и послушать песни. Диво дивное у нас еще поют. И как поют! По-старому, без манерничанья, без приплясывания, и поют на русском языке русские песни, а не какое-то завыванье, где и слов не разберешь, да и нет их, слов-то. А какие-то выкрики, вздохи, ахи. И еще послушал бы я, как говорят за столом о земле, о работе, о семейных делах — уж такое ли безязычье кругом, точнее, сбитое до необходимого предела узкоязычье, что кажется, к новому, 2000 году люди начуются обходиться двумя-тремя десятками слов.

Не злой я от природы человек, но хотел бы, чтоб под окнами директорских квартир и конструкторских работников всю ночь ходили бы их «КраЗы» и «КамАЗы» и грохотали бы так же, как грохочут и завывают они сейчас

Виктор АСТАФЬЕВ

# ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ

под моим окном. Может быть, тогда возникла бы у этих людей простая мысль — заменить или изменить выхлопные трубы в машинах и вообще сделать их хоть немного потише. Ибо тяжелый боевой танк на фронтовых дорогах по сравнению с их сооружениями под названием «автомобиль» был детской игрушкой.

Но бог с ними, с машинами. Все-таки под Новый год хочется чудес. Закрыв глаза — вижу крестьянский дом чую запах свежих сушек кренделей, ватрушек, вижу застолье детей в нарядных оубахах — всякая душа празднику рада.

Как у нашего соседа Развеселая беседа...

Обязательно кто-нибудь из бабок или теток-прибауточниц усладит на праздник без того восторженно бычущееся

сердце присказками, да какими ли распотешными!

Ах, ты, солнышко-колоколнышко! Прикашись ко мне на проталинку на привалинку

Забывалась одна посказительница, вклинивается другая: Как у Карлсва двора вся раскатана гора Кто укатал? Карповы дети. Коров молотили, по саду водили Тень-тень-потетень выше городу плетень У Спаса бьют, у Николы звонят У старого Егора часы говорят

А за окном идет своя жизнь. Там хрустит снег под валенками, визг, крики, грохот санок — гуляет, веселится на деревенских улицах молодежь. Промчится мимо дома упряжка с песнями, смешом, частушку донесет:

Вы спросите, я снажу, за реку зачем хожу.

Там тальянки новые, ребята чернобровые...

Я сидела на лужку, писала тайности дружку. Я писала тайности про любовны крайности...

У каждого времени свои новогодние прелести и радости. Наши давние радости видятся все еще просветленно и по-детски восторженно.

А еще я вижу явственно такую картину. Бабушка моя Катерина Петровна сидит за столом, пьет крепкий фамильный чай со свежим хлебом.

Мы как-то привыкли к горестно изображенным в литературе детям, недоедавшим и голодавшим в годы войны и послевоенные тяжелые годы. Но больше всех и сильнее всех страдали от недоедания, пожалуй, старики, ибо зачастую они отрывали от себя последнюю крошку хлеба, чтобы сохранить жизнь внукам своим, сберечь и для будущего...

Так вот, не дождавшись хлеба досыта, ушла с земли грузеница, хлопотунья, крупная, шумная женщина, не терпевшая никакого унижения и все же униженная недоеданием, выглядыванием куски хлеба. И кабы она одна... Вот и мечтаю в новогоднюю ночь о чуде — воскресить бы их

всех, этих седобородых дедов, морщинистых бабок, собрать за одним артельным тесовым столом и смотреть, как они опратно, чисто по-крестьянски, обстоятельно едят хлеб с чаем, и радоваться тому, что они пользуются заработанным правом есть досыта. А мы млели бы от счастья и гордились бы тем, что можем их наконец-то отблагодарить хлебом за хлеб.

Я как бы уклоняюсь от темы, не говорю о своих героях. Это оттого, что я не люблю слова «герой» вообще, о своих героях, кроме дяди Васи из «Последнего поклона» бабушки, Бориса Костяева из «Пастуха и пастушки», в частности. Да и ушли они от меня те люди, о которых я писал. Я их вижу издали, они отделились от меня и живут своей обособленной жизнью. И если мне доводится вычитывать гранки или верстку своих старых произведений, я делаю это неохотно и с трудом, ибо мне приходится вновь сближаться с теми людьми, призывая к тем лицам и характерам, которые не то чтобы недолеи мне, но которых я с чувством облегчения, с родительским чувством взрастив-

шего их человека отправил в жизнь и расстался с ними.

Наверное, я черствый родитель. Но что же делать! Родителей, даже и в литературе, не выбирают, как, впрочем, и детей родных.

Весь я сейчас окружен новыми людьми, многие из которых еще проступают тенью, безгласной пока и бесплотной. Эти люди — будущие «действующие лица» моего нового романа, первого, по-настоящему задуманного и вынашиваемого мной много лет. И коль роман будет о войне, я воскрешаю и оживляю в своем воображении тех, от кого небось и косточек уже не осталось, — своих фронтовых товарищей и друзей.

Какая чудесная и чудовищная сила дана человеку — воображение! Если верить, что мысль материальна, то, значит, я беспокою не только прах, но и дух тех, кто упокоился на поле брани тридцать с лишком лет тому назад. Упокоился часто в муках и невыносимых страданиях. А я вот взялся нарушать их покой. Какая наглость, какая дерзость, какая, наконец, неблагодарность! И как надо написать о них, тихо спящих в родной земле российских солдат! Какими высокими

словами, каким пространственным звуком, какой высокой правдой и пронзительной печалью!

И муки мои, муки творящего миру невидимую работу, как и дерзость моя, могут быть оправданы лишь в том случае, если работа моя, роман мой возвысится до уровня той жизни, той меры чести и совести, по которой жили и живут мои боевые друзья.

Прошлой зимой мы собрались четверо в городе Тимирязе. Четверо из одного взвода, и я еще раз сказал себе спасибо за то, что не горопился вплотную писать о войне, не унизил своих друзей словом, не ввел в краску высокопарным красноречием. О достойных людях надо и писать достойно. Писать, чтобы не совестно было смотреть в глаза живым. А когда придет пора повстречаться с давно покинувшими нас солдатами прошлой войны и лечь с ними в одну землю, хочу, чтобы в тесном солдатском блиндаже они, бойцы родного взвода, подвинулись и дали место меж собой, как своему брату, не подводившему их ни в бою, ни в труде.

ВОЛОГДА